

Клавдия Владимировна Лукашевич

Босоногая команда

Клавдия Владимировна Лукашевич

Босоногая команда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=637655

Босоногая команда: Зерна; Рязань; 2005

Аннотация

«Лет тридцать тому назад, на окраинах Петербурга люди жили гораздо проще, скромнее и даже веселее, чем теперь. На Васильевском острове, в 15-ой линии, за Малым проспектом были выстроены только небольшие деревянные дома, большую часть одноэтажные, с наружными ставнями у окон...»

Содержание

Пасхальная ночь	4
У открытого окна	16
Серый дом с зелеными ставнями и его обитатели	28
Великое змеепускание	36
Поездка на лодке	44
Зимой	50
Окно закрыто	59

Клавдия Владимировна Лукашевич Босоногая команда

Пасхальная ночь

Лет тридцать тому назад, на окраинах Петербурга люди жили гораздо проще, скромнее и даже веселее, чем теперь.

На Васильевском острове, в 15-ой линии, за Малым проспектом были выстроены только небольшие деревянные дома, большею частью одноэтажные, с наружными ставнями и окон. Жили там люди небогатые: мелкие чиновники, неважные купцы, ремесленники, торговцы да фабричные, так как кругом было немало фабрик.

По воскресным и праздничным дням обитатели маленьких домов высыпали на улицу: по мосткам гуляли девицы, обняв друг друга за талии; в иных местах молодежь играла в горелки, в пятнашки; босоногие ребятишки сражались в лапту, в городки, в бабки, а пожилые люди сидели у ворот на скамейках и вели долгие беседы. Всюду было просто и оживленно.

Улицы в то время на Васильевском острове были не такие, как теперь: на них не было каменной мостовой, не было ас-

фальтовых тротуаров, трава пробивалась всюду, где только ей не мешали, а посреди улиц тянулись высокие деревянные мостки.

В том году, о котором я теперь вспоминаю, Пасха была очень поздняя. Стоял конец апреля, и в природе давно уже повеяло ранней весной: все оживало, все пробуждалось от зимнего сна, чаще сияло и дольше оставалось на небе солнце; из-под таявшего снега бежали быстрые ручейки; около заборов там и сям между желтой прошлогодней травой пробивалась молодая, свежая травка; деревья покрывались почками, которые быстро развертывались в маленькие, липкие, ярко-зеленые листочки; прилетевшие птицы звонко чирикали, приветствуя приход весны.

* * *

Наступила пасхальная ночь. Только раз в году и бывает такая ночь: чудесная, торжественная! Никто не спит в эту святую ночь: всюду движение, сборы, и сердце самого обиженного горемычного человека невольно наполняется тихой надеждой и радостью.

По улицам зажигались плошки; народ по всем направлениям шел и шел непрерывно; окна домов были освещены; православные собирались к Светлой Христовой заутрене...

В одном из подвальных этажей небольшого дома, по 15 линии Васильевского острова, сырая, темная, низкая квартира отдавалась по углам. И там, где очевидно не красно жилось людям, в наступившую пасхальную ночь все выглядело чище, спокойнее и радостнее. Во всех углах копошились жильцы, одеваясь в свое лучшее платье.

В первой комнате, за старой рваной ширмой только один из всех жильцов подвала никуда не собирался и лежал чуть ли не на голых досках, подложив себе под голову вместо подушки какое-то старое тряпье. Это был еще не старый мужчина, исхудалый, бледный, со впалыми глазами, очевидно, больной. Он печально смотрел на мальчика, присевшего боком около него и опустившего голову.

– Надо бы, Гришута, сходить к заутрене, – тихо сказал больной.

Мальчик встрепенулся и встал. На вид ему было лет десять. Волосы у него торчали, будто у ежа, глаза были круглые-прекруглые, а довольно большой вздернутый нос придавал лицу и отвагу и задор. Но при всем том смотрел он прямо, и лицо его выражало доброту и ласку. Да и стоял-то мальчуган особенно, заложив руки за спину, выставив одну ногу вперед и немного откинув набок голову.

– Не во что одеться тебе, Гриша!.. Да и сапог нет!..

– Не беда, батюшка... Можно и без сапог, нынче не холодно. Одну матушки-покойницы кофту черную.

– Ведь и шапки-то нет у тебя, сынок.

– Я, пожалуй, и платком повяжусь.

Отец тяжело вздохнул.

– Нет, это не ладно... Точно девчонка... Одень опять мою старую, все же лучше... Велика только, – вся твоя голова в ней пропадет...

– Ништо... Так ладно будет.

– Эх, горе мое! Сгубила нас с тобой, сынок, эта болезнь моя. Поди, помолись... Детская-то молитва скорее до Бога дойдет.

– Пойду... Только как же ты-то останешься?

– Мне легче теперь...

Гриша достал из-под кровати корзинку, стал в ней шарить и одеваться.

– Какая сегодня служба-то великая идет, – говорил сам с собой больной. – В храмах Божиих какие стихи поют, какие псалмы читают! А потом все люди, забыв зло и вражду, обнимут друг друга, скажут: «Христос воскрес!»

– Батюшка, а батюшка!

Гриша посмотрел на отца и подумал: «Уж не заговаривается ли он?»

– У меня и трех копеек нет тебе на свечу, – глухо сказал отец.

– Ништо... У меня есть огарышек. От 12 Евангелиев

остался... «Советник» дал. Увидел, что я стою без свечи, хлопнул легонько по плечу и свечку сунул... Я ее берег... Вот она...

Он встал с пола и вырос перед отцом в порыжелой женской кофте, с головой, ушедшей в старую барашковую шапку, которую он все сдвигал назад. Как он был смешон! Но отец даже не улыбнулся. А уморительный человечек в этой шапке и кофте вдруг схватил больного за шею, припал к нему на грудь головой и замер... Детская ласка везде одинаково мила – и в богатых домах, и в темном сыром углу. Больной ласкал и прижимал к себе дорогую ему голову в большой шапке и глотал подступившие к горлу слезы.

– Нам и разговеться нечем... Нет и яичка красненького для тебя, Гриша.

– Не тужи, батюшка... Ништо... Я скорехонько и дома. Мальчик скрылся за дверью.

* * *

В другом углу того же подвала жила прачка-поденщица. За темной ситцевой занавеской, она снаряжала своих детей к заутрене. Дети оделись в старенькие, заплатанные платья. На простом белом столе стояли очень маленькая пасха, небольшой покупной кулич. И здесь жили бедно... Вдова-мать работала без отдыха, но ведь труд поденщицы оплачивается плохо. Ей едва хватало, чтобы платить за сына в школу, что-

бы есть каждый день, и то не досыта, да жить здесь в углу, в подвале.

– Мама, а разговеемся-то мы когда? – спросил подросток-мальчик в чистой ситцевой рубашке, бледный и высокий, с задумчивыми серыми глазами.

– Уж и ты, Степушка, словно маленький, – не дожدهшься. Придем из церкви и разговеемся.

– Тогда и яичко красненькое дашь? – спросила девочка лет семи, как две капли воды, похожая на брата.

– Одним мы разговеемся, а те завтра остальные дам.

– Вкусно! Так слюнки и текут! – проговорила улыбаясь девочка и тронула пасху пальцем.

– Не трогай! Что ты?! Ведь грешно, – остановила ее мать и поспешно завязала пасху в чистый платок.

Не мудрено, что здесь так нетерпеливо ждали разговенья: весь длинный пост они строго постились, ели впроголодь.

* * *

Семья лавочника, лавка которого красовалась на углу Малого проспекта и 15 линии, тоже собиралась в церковь. Пятеро краснощеких детей и сама хозяйка разрядились пестро и пышно. В чистую скатерть завернули огромный разукрашенный кулич, большую пасху с розовым бумажным цветком.

Хозяйка зачем-то пошла в сени. Поторопилась и в дверях

столкнулась с входившим мальчиком.

– А, чтоб тебе!!! Не смотришь... Вечно налетишь...! Кажись, все платье оборвал. Так бы тебя, кажется...

И она изо всей силы двинула мальчика, тот отлетел в сторону.

– В церковь идешь, к заутрене, а все лаешься, – произнес где-то в темных сенях мрачный детский голос.

– Хозяин! Иван Никитич! Поди-кось сюда. Послушай, как Андрюшка мне опять грубит... Зазнался! Покою от него нет! – кричала в сенях толстая хозяйка.

– Ужо я его... Сейчас иду... Позабыл мою науку, малец? Ужо я доберусь! – слышался в комнате звучный бас хозяйина.

Андрюшка не так был прост, чтобы дожидаться расправы: он шмыгнул из сеней и живо очутился за воротами. Это был некрасивый, рыжий, косоглазый мальчик, круглый сирота и жил из милости у разбогатевшего лавочника, дальнего родственника. Не видел он ничего хорошего в скупой, думавшей только о наживе семье.

В наступающий Светлый праздник Андрюшка знал, что ни от кого не услышит ласкового слова: нет у него; родной души, никому нет до него дела, он совершенно одинок.

* * *

В том же доме, где помещалась лавка, в мезонине в одной

тесной комнате жил столяр, жена его, Марья Ивановна, была портниха.

В их комнатке все дышало чистотой; перед большой божницей ярко горела лампада.

Марья Ивановна принарядила свою единственную дочь Марфушу, посмотрела на нее и подмигнула мужу: тот с нежностью остановил на ней взор. Темная коса девочки была гладко причесана и заплетена розовой ленточкой; румяное миловидное личико склонилось над тарелкой с яйцами; она что-то про себя шептала, указывая поочередно на каждое яйцо.

– Что ты там шепчешь? – ласково спросила мать.

– Мамашенька, одного яичка не хватает. Как хотите... Посчитайте сами...

– Что ты, Марфуша, да ведь там целый десяток.

– Вам и папашеньке, бабиньке с дедушкой, тете Ане, слепой Маврушке, дяде Антону, Грише, Степе и Аняте... А «советнику»-то?

– Ишь ты как всех наградила! Откуда ж я тебе возьму? У меня больше нет.

– Ну, мне не надо. Пусть ее дает, коли ей любо, – сказал, улыбаясь, отец.

– Уж ты у нас, отец, баловник! Избалуеть дочку.

Марфуша бросилась отцу на шею и звонко его поцеловала.

На улице в это время раздался первый пушечный выстрел.

Из калитки маленького деревянного старого дома с зелеными ставнями, выглядевшего чище других по 15-той линии, вышел высокий, несколько сторбленный, но еще бодрый старик в широкой шинели, в картузе с кокардой и с узелком в руках: там были кулич и пасха. Вместе со стариком вышла девушка, уже не первой молодости, высокая, худая, с длинным носом, в кринолине, в маленькой круглой шапочке и суконной кофте.

Из отворенной калитки выглядывала старушка с седыми локонами и с накинутой шалью. Яркое пламя вспыхнувших около дома плошек осветило милое доброе лицо старушки с голубыми глазами, и гордую, серьезную девушку, и старика. Высокие, туго накрахмаленные воротники заставляли его держать голову прямо, как будто бы важно. Из-под седых бровей смотрели веселые черные глаза, молодые по выражению, которые совсем не подходили ни к седым волосам, ни к сторбленной фигуре.

– Идите с Богом! За меня помолитесь. Я уж тут, дома... – тихо сказала старушка.

– Уходи, уходи, Темирочка, еще простудишься. Закрывай калитку, – заботливо посоветовал муж.

– Я думаю, к двум часам и домой вернетесь. Ну, Господь с вами! – и старушка скрылась за калиткой.

А в это самое время мимо старика с его дочерью прошмыгнули два мальчугана, один в кофте и в большой шапке, а другой – высокий, худой.

– Опять эти мальчишки! – с ужасом и негодованием воскликнула девушка. – Никогда от вас покою нет. Кажется, видите – папенька к заутрене идет... Понимаете?!

– Оставь, полно, Агнесочка... Они ведь ничего... Пускай идут вместе.

– Нет, папаша, увольте от этой милой компании. Дайте хоть в праздник вздохнуть свободно. Ваши мальчишки мне надоели до невозможности.

Старик замолчал. Мальчуганы перебежали на другую сторону. Там их поджидала целая компания маленьких оборванцев в стоптанных сапогах, а то и вовсе без сапог и в заплатанных пальто.

– «Советник» с «принцессой» в церковь пошли, – объявил один из мальчуганов.

– Он сказал что-нибудь? – пропищал тоненький голосок.

– Что он скажет?! Глупая! – Просто пошел к заутрене.

– Пойдемте, ребята, в церковь!

Вся ватага двинулась вдоль улицы. Не одна пара детских глаз провожала с затаенным любопытством, с немой надеждой, многие – с лаской, шедшего по 15-ой линии старика в картузе. От времени до времени он приподымал фуражку и приветливо кланялся ребятишкам.

– «Советник» к заутрене пошел! – передавалось из одних

детских уст в другие.

– С кем? – допытывались не видевшие.

– С «принцессой на горошенке».

– А «седая богиня»?

– Дома осталась. Только за калитку проводила.

– Он ничего не говорил?

– Что же он скажет?.. «Принцесса» рассердилась, зачем мы его ждали... Прикрикнула... Он ей что-то пошептал.

В это время раздался первый удар колокола в соборной церкви, его благостный призыв загудел, расстилаясь по воздуху... Еще удар... Потом в другой церкви... Снова где-то дальше. И пошел гулкий звон во всех церквях.

Ярче запылала площадь около церквей и домов... Усилилось движение на улицах. В церквях началась Светлая заутреня.

Много бедно одетых ребят, обитателей подвалов, конур и мезонинов, пробралось в ту церковь, куда прошел «советник» с дочерью.

Дети протискивались вперед, охотно ставили к образам свечи, когда им передавали, гасили огарки и посматривали по сторонам.

Дивно хороша пасхальная служба! Тысячи зажженных свечей... Крестный ход, возвращающийся в церковь с Радостным пением «Христос воскрес!» Светлое облачение духовенства... Торжественное, ликующее пение – все это оставляет неизгладимое впечатление, смиряет душу и за-

ставляет позабыть и вражду, и злобу, и горе.

Рыжий Андрей стоял тоже в церкви, недалеко от Гриши. Оба они во все глаза смотрели на батюшку, когда он в конце заутрени вышел с крестом и, благословляя народ, три раза воскликнул: «Христос воскрес!»

– Воистину воскрес! – гулом пробежало по церкви... Все стали друг с другом христосоваться.

Андрей и Гриша стояли одинокими... Все-то с родными, с близкими, а у них никого нет.

Мальчуганы взглянули в ту сторону, где стоял старик с черными глазами – «советник», как они его называли. А он, улыбаясь, уже подходил к ним, крепко обнял сначала одного, потом – другого, христосовался и гладил их сиротливые головы.

– Христос воскрес, ребятки!

– Дяденька! Воистину воскрес!

– Приходите завтра к окну. Я вам по хорошенькому яичку дам... а пока вот, возьмите... – и, сунув мальчикам в руки по красному яйцу и по гривеннику, он поспешно отошел к дочери.

Начиналась обедня.

У открытого окна

Маленький серый дом с зелеными ставнями весь потонул в зелени: с одной стороны старый хозяйский сад, с другой небольшой отдельный двор для жильцов, с двумя кудрявыми березами да с кустами сирени. Высокая жердь с западной для птиц выглядывала из-за забора.

Мимо серого дома уже который раз с очевидным нетерпением проходили взад и вперед ребятишки: то мальчики, то девочки – в одиночку и по парам...

Вот появились и Гриша со Степой. Гриша – в большой черной кофте, старой шапке и босиком, а Степа – в неуклюжем дырявом пальто, в стоптанных сапогах и новой фуражке на голове...

Мальчики прошли медленно мимо окон деревянного дома с зелеными ставнями. Около крайнего окна, за дернутого синей занавеской, Степа приподнялся на цыпочки и заглянул...

– Нет, еще не видно, – с грустью прошептал он.

– Верно, кофей пьет, – возразил Гриша и сдвинул на затылок шапку.

Дети пошли дальше, но все обертывались и посматривали на серый деревянный дом, на заветное окно. Да и не они только... На другой стороне тоже с этого окна не спускал своих глаз рыжий Андрюшка.

День был ясный и теплый... На улицах с утра все говорило о Светлом Празднике: было чище прибрано, развевались флаги, народ шел нарядный и веселый, во всех церквах беспрестанно трезвонили... Тот, кого дети называли «советником», Семен Васильевич Кривошей, живший в старом домике, только что отпил кофе. Он закурил сигару и собирался пройти из чистенькой кухни в свою комнату, чтобы открыть окно.

– Папенька, уж вы, пожалуйста, сегодня ваших грязных мальчишек не зовите в комнаты: везде вымыто и половики чистые настланы, – сказала ему дочь Агния, высокая худая девушка.

– Слушаю-с, «принцесса на горошенке».

– Я говорю серьезно, а вы все смеетесь. Я думаю, никому другому – мне приходится мыть и прибирать...

– Что делать, душа моя! Всякий знает, что столбовая дворянка и в VI книге записана... А вот приходится и полы вымыть самой, и постирать, и постряпать. Уж поверь, что труд только красит человека...

– Ну, папаша, не будем говорить об этом... А только знайте, что мальчишек ваших сегодня я не пущу в комнаты... От них только грязь, сор и гам...

– Эх, матушка, было бы на душе бело. А после моих мальчишек сор уберешь, и следа не останется...

– Вы не поверите, маменька, до чего они мне вчера у заутрени надоели: по церкви взад-вперед ходят, толкаются,

на всех оборачиваются... Я все время волновалась. Противные!..

– Научить их некому, Агнесочка... Простые ребята... Только они без дурного умысла, – кротко заметила мать, тихая старушка с белыми локонами.

– Ну, «седая богиня», и дочь же у тебя ворчунья... Скорее состарилась, чем ты.

– Вы бы, папаша, лучше велели вашим противным мальчишкам в церкви стоять как следует...

– Слушаю-с, «принцесса»! – старик приложил руку к сердцу, комично раскланялся перед дочерью и прошел в свою комнату.

– «Советник» окно открывает! – гулом прошлось по 15-ой линии.

– Открывает, открывает, – вдруг радостно взвизгнул курносый Гриша и, как стрела, помчался к серому домику.

Окно действительно распахнулось. На одной из его половинок было приделано продолговатое зеркало, в которое было видно далеко-далеко все, что делалось по 15 линии. Чего только не придумает чародей-«советник»!

Теперь он стоял у окна, вдыхая теплый весенний воздух и потягиваясь. Как спокойно, простодушно смотрели на этот ясный день его незлобивые, улыбающиеся черные глаза, как приветливо он улыбнулся, когда у открытого окна вдруг со смехом выросли барашковая шапка и кофта, как будто на вешалке: человека в них было не видно.

– А-а-а-а! Рулевой! Здравствуй!

Всех мальчуганов Семен Васильевич называл по-своему.

Гришин нос был прозван «рулем», а он сам назывался не иначе как «рулевым».

– Дяденька, как ты сегодня долго окно не открывал! – упрекнул его мальчуган, сдвигая на затылок шапку.

– Ишь, ты какой ловкий! Думаешь, что у меня и свет в очках – как бы поскорее для вас окно открыть?! Думаешь, очень мне хочется вас видеть?! Очень я соскучился о «босоногой команде»?!

– Дяденька, ты нарочно... А уж мы-то ждали, ждали... К окну подбегали ребяташки...

– Христос воскрес, дяденька!

– Воистину воскрес!

– Дяденька, возьми яичко! Вот от меня еще... Вот красненькое... Еще сахарное... Это вот...

– Ну, спасибо, спасибо... Куда мне столько! Здравствуй-те, здравствуйте, «друзья из босоногой команды», – шутливо говорил Семен Васильевич и, перегнувшись, целовал ребят и тоже дарил им яйца, которые сам красил.

– Смотрите, ребята, какое у меня-то яичко! С крестным ходом... Занятно!..

– А у меня – «Христос» и «Воскрес»...

– У Гриши сердце с полымем нарисовано...

– У Андрюшки – два голубка беленьких...

– Никто, дяденька, не умеет так яичек красить, как ты.

Право!..

Все, которые знали Семена Васильевича Кривошеина, видели его неизменно окруженным детьми, детьми худыми, бледными, бедно одетыми, босоногими... Какое удовольствие находил он в их обществе, о чем они вели нескончаемые разговоры, – многим было непонятно. Дочь его, Агния, ужасалась, возмущалась и всячески ограждала свой дом от вторжения «грязных мальчишек».

Но оригинал-старик не мог жить без своей «босоногой команды». Его сердце с самого раннего возраста сжималось болезненно при виде птички с разбитым крылом, ободранной кошки, искусанной собаки, – он их приносил домой, жалел и лечил.

Жалея животных, куда больше он жалел детей. Он не мог видеть равнодушно худенького, бледного детского лица с выражением раннего горя, злобы и ненависти. Оборванные, беззащитные дети, росшие без семьи и ласки, в нем находили друга.

У открытого окна шел оживленный, несмолкаемый разговор.

– Ну, рассказывайте, что у вас нового? Гриша, что твой отец? Степа, хорошо ли учился?

– Отец дюже хворает...

– Страстную не учились... А то, дяденька, у меня все пятерки.

– Молодец, Степа, дай пожать твою благородную руку.

Мальчик рассмеялся и протянул худенькую руку.

– А меня, дяденька, отец к сапожнику после праздников поведет... – объявил белокурый подросток. – Неохота мне... Боюсь.

– Что делать, Петя. Будь сам хорош, и к тебе будут хороши...

– Я теперь уже умею глазурию покрывать пирожные, – хвастался маленький ученик кондитера.

– А у нас на фабрике мальчику палец оторвало...

– Это ужас что такое! И как это, дети, вы сами-то не остерегаетесь! – сокрушенно сетовал Семен Васильевич.

Уже много-много лет весною, летом и осенью открывалось гостеприимное окно «советника». Около окна, как в панораме, менялись дети: одни вырастали, уходили в ученье, другие появлялись вновь...

Дети расступились: к окну подошел молодой мастеровой.

– Христос воскрес, Семен Васильевич.

– Воистину воскрес! Здравствуй, Иван Петрович. Очень рад тебя видеть... Откуда? Какими судьбами?

– Издалека, Семен Васильевич. На Лахте работаю. Я в резчиках теперь. Вот вам подарочек принес своей работы... Не погнушайтесь, – и он вывернул из цветного платка шкатулочку, которую держал под мышкой.

– Ах, какая прелесть! Ну, спасибо, Ваня. Хорошо, тонко работаешь... А дороже всего, что вспомнил старика... Теперь все буду любоваться...

Дети наперерыв лезли к окну посмотреть затейливую резную шкатулочку.

– Я-то вас, Семен Васильевич, ни в «жисть» не забуду. Пригрели вы меня, бездомного малыша... доброму учили... Как вспомнишь что из прежнего... будто и родителей дом был... а все с вами...

Трудно было мастеровому передавать то, что он чувствовал.

– Ну, полно, полно, Ваня... Разве я мог что сделать?! Сушце пустяки!

– Нет, не говорите... Ишь, вы все с ребятами... Я как стал это понимать, – такое хорошее про вас подумал! – задушевно воскликнул мастеровой.

В это время у окна между детьми произошло неожиданное недоразумение: послышалось грубое, бранное слово, в сторону отлетела девочка и упала, всхлипывая...

– Это что такое? В такой праздник! Кто это? – строго спросил старик.

– Дяденька, я хотела тебе вот кошелечек отдать... сама связала! – заговорила миловидная девочка и залилась слезами.

– А зачем лезет вперед. Я ведь раньше ее встал к окну, – весь вспыхнув, сумрачно объявил рыжий, косоглазый Андрей.

– И чего ты, Андрюшка... Вечно в драку... Стоял бы тихо! – укорял Гриша, качая головой в огромной шапке.

– Не плачь, Марфуша, милая. Прости ради праздника этого злого... Андрей, а ты ступай прочь от моего окна. Я тебе много раз говорил, что терпеть не могу брани и драки...

– Эх, ты, Андрюшка... и чего, право, так сделал... Вот и дяденьку осердил! – говорили дети.

– Ступай, Андрей, слышишь... Приходи тогда, когда станешь добрее и отвыкнешь ругаться.

Мальчик пошел... В зеркальце, привешенное к окну, было видно, как стали вздрагивать его худые плечи, как низко наклонилась голова и он стал проводить рукавом по глазам. Верно, не легко было расставаться с открытым окном.

Семен Васильевич все видел, и ему жаль было всем сердцем удалявшегося. Но старик был непреклонен – ему хотелось в этих грубых детях заронить искру добра и света, и он наставлял их, как умел. Он знал: Андрей еще вернется.

– Счастливо оставаться, Семен Васильевич! – сказал, уходя, мастеровой.

– До свидания, голубчик Ваня. Спасибо за подарочек. Дорого, что работа твоих рук... Вот что...

– Дяденька, пусти нас к себе в комнату, – хором попросились ребяташки.

– Уж право не знаю. «Принцесса» моя будет недовольна. Вишь, «босоногие друзья», у вас ноги-то какие грязные, а у нас полы вымыты...

– Дяденька, я ноги-то о кофту хорошенько вытру, – предложил Гриша...

– Хороша будет твоя кофта. Нет, «рулевой», не согласен...

– Дяденька, ведь сегодня праздник... Пустите нас к себе! – умоляли дети.

– Ну, идите, только не все сразу... Сначала Степа и Марфуша. Ноги вытирайте хорошенько, не шалите и входите тише... А не то и мне, и вам попадет. Идите, я открою калитку.

Старик открыл калитку. Дети застенчиво вошли в квартиру.

– Ноги вытирайте... Всегда грязи натащите! – грозно раздался крикливый голос Агнии, и она показалась на пороге кухни.

– Они вытрут, Агнесочка, вытрут. Ты не беспокойся, – я присмотрю! – успокаивал старик волновавшуюся дочь...

Дети старались как можно незаметнее и тише бочком пробраться в заветную гостеприимную комнату, где они чувствовали себя так хорошо, так спокойно... Они сидели там смирнехонько и в сотый раз уже все разглядывали. Там было для них много интересного.

А за тоненькой перегородкой раздавались шаги и воркотня Агнии.

– Дяденька, пусти и меня к себе... И меня, миленький, дяденька... Меня тоже! – доносились шепотом мольбы с улицы, и в окно тянулись руки...

Трудно было устоять против таких скромных желаний.

– Что делать, друзья мои! Придется из моей комнаты бочонок с селедками устроить. Только я вас в окно перетас-

каю... Чур! не смеяться и не шуметь. Ну, ползайте.

И один за другим в маленькой комнате оказалось! человек десять гостей. Когда Семен Васильевич тащил Гришу, то произошло неожиданное приключение.

Вертлявый мальчуган, вырвавшись из рук старика, упал и задел за кресло, кресло с громом полетело на него и покрыло его.

В кабинете раздался веселый взрыв хохота. Семен Васильевич сам весь трясся от смеха, но зажимал рот рукой и махал на детей...

– Это ужасно! У нас точно постоянный двор! – послышался за стеной полный негодования голос Агнии.

В это время из-под кресла показалась голова с торчащими волосами, затем – вздернутый нос и вся фигура в большой кофте.

– Дяденька, я жив... Ничуть не убился! – веселя объявил Гриша.

Опять ребятишки прыснули от смеха, опять замахал на них старик, опять послышался сердитый голос за стеной:

– Это ужасно! Никогда нет в собственном доме покою. Это не жизнь, а каторга!..

В кабинете все стихло, как по мановению волшебного жезла.

– С утра болит голова... А тут вечный гам, вечная визготня и грязь!

– Ты бы, Агнессочка, пошла пройтись... – ласково посо-

ветовала старушка дочери.

– Да я готова бежать без оглядки из этого Содома!

– Поди, милая, погода такая хорошая.

Дети, присмиревшие было в маленькой комнатке, разговорились: полились расспросы, рассказы, стала катать яйца... Туда, в комнату, живо явились Каро и Резвый (собаки Семена Васильевича), начались ученья и возня; затем ходили всей гурьбой смотреть западню; смотрели, не взошли ли семена на двух грядках в саду; а потом Семен Васильевич стал им читать сказку. Дети слушали.

Дверь в кабинет, висевшая на блоке, приотворилась, вошла старушка с двумя тарелками в руках.

– Вот, Симушка, тут немножко кулича, пасхи, ветчинки... Может, закусите?

Какой благодарностью забилося сердце Семена Васильевича. Большой радости ему нельзя было доставить – как побаловать его «босоногую команду». Это было ему приятнее всего... Он ведь знал, что бедным ребятишкам не часто доставались сладкие кусочки. И жена его, его верная старая подруга, понимала это и, когда Агнии не было дома, незаметно входила в кабинет с тарелочкой...

– Спасибо, Темирочка, спасибо тебе... Поставь вот тут тарелочки.

– Благодарствуем, тетенька! – шепотом пробежало между детьми.

Семен Васильевич вышел за женой в темненькую прихо-

жую, обнял ее и поцеловал в лоб.

– Ах ты моя верная «седая богиня»!

«Голубчик мой, сам-то чист душой, как дитя... Радуется за своих мальчишек больше, чем если ему что сделаешь», – думала растроганная старушка, проходя в свою чистенькую кухню.

Надо было видеть, с каким удовольствием разговлялись эти полуголодные, избалованные дети и как по-своему в глубине души они ценили это баловство доброй с седыми локонами, тетеньки... Сколько было потом толков об этом...

Серый дом с зелеными ставнями и его обитатели

Семен Васильевич Кривошей с женой Татьяной Петровной уже давным-давно, как говорится, с незапамятных времен, жили в уютном сереньком домике с зелеными ставнями, на конце 15-ой линии Васильевского острова.

В околотке все знали Семена Васильевича и почему-то называли его «советником». Может быть потому, что он и на самом деле состоял в чине надворного советника. Так называли его деда, отцы, так называли за глаза и ребяташки. Все относились к нему с большим уважением и очень интересовались его своеобразной жизнью.

– Восемь часов... «Советник» на службу пошел, – говорили соседи, видя, как рано утром бодрый старик (летом в драповой, порядком выцветшей, а зимой в ватной, шинели и в красном с зелеными полосами, вязаном шарфе) отправлялся пешком на службу. Он служил где-то далеко в центре города, за Невою, в одном из министерств.

– Скажите на милость! Как время-то летит... уже «советник» со службы идет... четыре часа, – встречали на Васильевском острове Семена Васильевича, возвращавшегося со службы, и проверяли часы.

Так проходило много-много лет.

У Кривошеиных только и была одна дочь, Агния – девица уже немолодая, молчаливая, всегда чем-нибудь недовольная и раздражительная. Она почему-то особенно не любила детей.

Семен Васильевич и Татьяна Петровна прожили всю жизнь душа в душу и до старости лет сохранили друг к другу самые нежные чувства. Он ее называл то «Темирочка», то «седая богиня», а она его – «Симушка».

Они были люди старинных понятий и взглядов и большие домоседы.

Одна только Агния вносила в эту тихую жизнь некоторое недовольство и споры.

Отец относился к ней часто шутливо, называя ее «принцессой», но все-таки во всем уступал – он жалел, что вся ее жизнь прошла без всяких развлечений, в нужде и заботах... Старушка мать просто побаивалась своенравной девушки.

Семен Васильевич происходил из старинного дворянского рода и очень гордился этим, только дворянскую гордость понимал по-своему.

В свободные минуты он клал заплаты на свои сапоги и обувь своим, чинил мебель, исправлял посуду, домашние вещи и заговаривал преимущественно с дочерью:

– Ничего, матушка, что дворяне и в VI книге записаны, а всякую черную работу сами делаем и трудом не гнушаемся...

– Может быть, вам, папенька, копать в этой грязи и до-

ставляет удовольствие, а у меня от такого унижения вся душа изныла. Не всякий способен переносить с легким сердцем такую жизнь, – раздраженно отвечала дочь.

– Зато в долги не лезем, легкой наживой не занимаемся...

– Зато у нас порядочного человека в доме не бывает. Кроме ваших грязных босоногих мальчишек, никто не заходит.

– Знакомства-то, матушка, дорого стоят... Надо принять, надо угостить, а нам не из чего... Жалованья от Царя по заслугам маленькое получаем, на него и живем. Да еще чины, ордена идут... Пенсию, как умру, тебе оставлю... – внушительно продолжал старик.

– Вы думаете, очень это хорошо, что заслуженный пожилой человек связался с босоногими мальчишками?..

Все про это говорят, удивляются и осуждают вас.

– Эх, матушка, если все разговоры-то слушать – это и жить не стоит. Мне до других дела нет... Другие и хуже меня живут, – я их не осуждаю. Около меня мальчишки дурному не научатся... Я их жалею, – они темные, голодные, у них мало радостей.. Люблю я таких мальчишек, и баста.

– Ну, папенька, оставьте, пожалуйста, эти тяжелые разговоры, – они ни к чему не приведут и меня расстраивают, – резко возражала дочь, вставала и уходила.

Небогато, но чисто было в квартире Кривошеиных состоящей из двух комнат и кухни.

Первая комната, в одно окно на улицу, полу задернутое синей занавеской, когда хозяина не было дома, принадлежа-

ла Семену Васильевичу и называлась не иначе как «кабинетом».

Эта комната была точно маленький музей: все стены ее, два стола и бюро красного дерева были сплошь заставлены, завешены всякой всячиной, которая попала сюда не по выбору, а случайно. Тут были всевозможные картинки, писанные масляными красками (старик был сам художник-любитель), вырезанные из книг, снятые с коробок – все в самодельных рамках. Тут были кости и черепа, негодное оружие, статуэтки, вазы, разные коробки и ящики и масса других обломков и непонятных вещей.

Половину комнаты занимало таинственное, наполненное заманчивыми предметами бюро, в которое, кроме хозяина, никто никогда не заглядывал. В углу направо стоял низкий, клеенчатый диван, служивший Семену Васильевичу постелью, затем два стола, этажерка-угольник и около окна – огромное старомодное кресло, обитое клеенкой. Вот и все...

Другая комната в два окна называлась «залой», там стояли диван и два кресла, обитые тиком, маленькое фортепиано, рядом – старинный бикс, по стенам – разные картинки, под потолком, вблизи окон, – множество клеток с птицами, а на окнах – цветы, именно плющи, которые обвивали окна и тянулись по стенам.

Самым уютным уголком этого дома была кухня, в ней и обедали хозяева. Что это была за кухня! Такую кухню можно иметь только там, где нет прислуги. Два окна ее выходили в

хозяйский сад, и весной, как только распахивали окна, ветки сирени уже тянутся лиловыми и белыми цветочками, они будто просятся в букеты и распространяют тонкий, нежный аромат.

В стороне стояла плита под черным колпаком, большая ширма отгораживала кровати хозяек; в углу – массивная божница с двумя горящими лампадами, вблизи нее – полукруглый комод с медными ручками, немного подальше – большой дубовый стол... Все полки с посудой оклеены вырезанными из бумаги белыми, затейливыми фестонами; на окнах – белоснежные занавески; часы-кукушка, которая, выскакивая, куковала каждый час; везде чистота, порядок, и на всем – печать заботы и домовитости... Сейчас было видно, что здесь за всем следит с любовью внимательный глаз хозяев.

Очевидно, тут жили люди на крошечные средства, но в обстановке их не чувствовалось крайности, а безукоризненная чистота и безыскусственность даже делали этот уголок привлекательным. Каждая вещь служила тут много-много лет. Все было чинено и перечинено руками хозяев; тут вещи считались друзьями – старыми, милыми, которыми дорожили и которых любили, и с которыми было связано много воспоминаний, как будто с одушевленными предметами. Вот маленький, круглый, как шарик, самовар, – кран его давно сломан и восстановлен из какой-то белой, кривой палочки, а на крышке, вместо шишечек, – две синие бусы. Вот черный фаянсо-

вый чайник, с оловянным носком... Корзинка с крышкой, в которой Агния носит провизию, – вся в жестяных заплатах, а ручка ее обмотана красным лоскутом... Склеенные тарелки, собственного изделия ширма, собственной работы одеяла... Да если начать перечислять весь труд, все поправки, то, пожалуй, каждая вещь в этом мирном жилище выдвинулась бы вперед и много рассказала бы о своей долгой службе и о том, сколько забот и любви видела она от хозяев...

Жизнь в маленьком сером доме изо дня в день текла тихо и однообразно. Обитатели его вставали очень рано: летом с восходом солнца, зимой – когда еще было темно.

Татьяна Петровна варила в кухне на тагане кофе, Агния убирала квартиру, Семен Васильевич чистил клетки с птицами.

В семь часов Семен Васильевич появлялся в кухне в халате и нес с собою газету «Сыны Отечества», Агния клала ему на стул вышитую подушку, – он садился, Татьяна Петровна отделяла ему несколько сухарей и ставила стакан кофе.

– Темирочка, а где же мои прихлебатели? Без них никак нельзя... Зовите моих прихлебателей... – говорил старик.

– Сидите, маменька, я позову... – и Агния уходила на двор.

Со двора, как ураган, врывались две собаки и кот и, ласкаясь, окружали хозяина.

– Папенька, не бросайте на пол куски... за вами, как за малым ребенком, не наубираешься... – замечала Агния.

– Симушка, не давай им булок, тебе самому мало. Их ведь булочками не накормить, им овсянка есть, – вторила старушка.

– Без друзей нельзя, Темирочка... Они обидятся, если я один все съем... К тому же, Каро должен сделать «носовую».

– На вас, папаша, смотреть досадно, – вставляла свое словечко Агния.

– А ты не смотри... Правда, мой верный пес?

Умный рыжеватый сеттер умильно поглядывал на хозяйку черными глазами, поворачивал на бок голову и громко хлопал хвостом по полу... Другая собака, Резвый, маленькая черная дворняжка, становилась на задние лапы и служила самым печальным видом.

Семен Васильевич клал Каро на нос сухарь и говорил: «По моему указу пожаловать тебе сей сухарь с тем, чтобы ты почитал всероссийскую азбуку. Аз... Буки... Веди... Добро... Есть!..» При слове «есть» Каро ловко подбрасывал сухарь и ловил его прямо в рот. Семен Васильевич говорил, что Каро «сделал носовую».

Резвый читать всероссийскую азбуку не умел и получал сухарь за то, что служил на задних лапках и умел на них пройтись по всей кухне.

Огромный серый кот Мусташ садился сзади Семена Васильевича на кресле, и когда тот, обмакнув сухарь в кофе, подносил ко рту, то кот тихонько трогал его лапкой.

Мусташ получал сухарь, размоченный в молоке.

– Полно тебе их кормить, Симушка. Одно баловство! Самому ведь мало... – сокрушалась Татьяна Петровна.

– Нельзя, Темирочка, обидеть закадычных друзей.

Вскоре после кофе Семен Васильевич уходил на службу. А Татьяну Петровну и Агнию поглощало домашнее хозяйство, работа – вся эта суета, которой так много у каждой хорошей хозяйки.

С тех пор как помнят «советника» в тех местах, помнят его окруженным детьми, большею частью, мальчиками, детьми бедными, оборванными, босоногими...

С первым теплым днем весны открывалось окно в кабинете «советника». Ребята, как мухи, липли к этому, будто сладкому для них, окну... Около этого окна пускались мыльные пузыри и обсуждались очень важные ребячьи дела.

Зимою, куда реже, но все же проходили заседания «босоногой команды» в кабинете; по праздникам маленький кабинет изображал из себя бочонок, набитый селедками... Весело было и в тесноте!

Летом, в праздничные дни, старик отпрашивался обыкновенно с ребятами за город. Видя это шествие, взрослые обыкновенно говорили:

– Вон «советник» опять куда-то пошел со своей «босоногой командой».

Великое змеепускание

Целую неделю «босоногая команда» находилась в большом волнении. Целую неделю мальчишки каждую свободную минуту что-то строгаили, клеили, мастерили и волновались без конца.

Сам «советник», этот большой ребенок, был занят и волновался не меньше «босоногой команды». Его кабинет и маленький двор были завалены какими-то щепками, мочалами, бумагой.

Приходя со службы, наскоро пообедав, старик спешно принимался за работу. Степа и курносый Гришка ему часто помогали.

Они были не на шутку заняты и обсуждали серьезно дело со всех сторон.

– Важный хвост! – восхищался Степа, связывая длинные мочалы одну с другой.

– Ты только подожди... подожди!.. – взволнованно говорил «советник», склеивая огромные листы бумаги. – Мы около хвоста трещотку такую привяжем... Она затрещит...

– У-у-у-ух, дяденька... Знатно! – только и мог произнести Гришка, качая своей встрепанной головой.

– Это ужасно! У нас не квартира, а хлев какой-то! Это ни на что не похоже! – слышались в зале от времени до времени отчаянные возгласы Агнии.

– Ну что тебе, Агнесочка, пусть их себе занимают, – возражал ей кроткий голос матери.

– Да что это, право, маменька... папашиным затеям конца нет... Точно малый ребенок! Что только не придумает! Даже смотреть неприятно!!! Ведь этой грязи век не наубираешься!..

– Ты бы пошла пройтись, – советовала мать.

– Пожалуйста, не ворчи, «принцесса на горошенке», я ведь тебя не трогаю и к себе в помощницы не зову, – отзывался добродушно отец из своего кабинета.

Агния умолкала... А за перегородкой в комнате Семена Васильевича кипела спешная работа.

В следующее воскресенье, на гаванском поле, которое тянулось огромной, зеленой площадью в конце Васильевского острова, было назначено «великое змеепускание». Сам «советник» так и сказал своей «босоногой команде», чтобы они все готовили змеи, что в воскресенье будет «великое змеепускание». И к такому важному событию старик сам готовил «гигантского змея».

Пришло воскресенье... День был отличный, а легкий ветерок точно нарочно хотел покровительствовать веселой затее.

В этот день с самого раннего утра в бедных закоулках, углах и подвалах, где по большей части ютились горе да нужда, с веселыми мыслями поднялись со своих жестких подушек многие дети... поднялись и вспомнили... Вспомнили «вели-

кое змеепускание»... Радостно забились сердца, заблестели счастьем глаза.

«Босоногая команда» показывалась из калиток в воротах небольших домов.

Ветер качал верхушки деревьев, поднимавшихся из-за старых заборов и сулил успех «змеепусканию».

Пришел полдень... Сколько раз пробегали и мальчики и девочки мимо любимого серого домика, они заглядывали в окно, но оно было задернуто синей занавеской; дети жадно припадали к щелкам забора, но и в саду было тихо.

Ожидание и волнение истомили «босоногую команду». Вдруг все ожило и заволновалось... Марфуша первая увидела и пронеслась не помня себя по 15 линии.

– Вышел!.. Вышел... Идет!.. – прерывистым голосом общала она по всей улице и, сама не зная почему, неслась, как стрела, по направлению к гаванскому полю.

Туда же бежали и мальчишки со змеями... Только некоторые поджидали «советника» и шли ему навстречу.

Он вышел из калитки серого дома. За ним вышли Степа и Гришка и двинулись с огромным змеем посреди улицы. Они с гордостью посматривали по сторонам.

«Советник» шел по деревянным мосткам.

Толпа около змея все больше и больше увеличивалась... Даже взрослые люди останавливались и с улыбкой смотрели то на великолепного зеленого с красными разводами змея, то на мальчишек, несших его, то на «советника».

– Ишь ты! Чудак «советник», право, чудак! Опять со своими мальчишками пошел. Сегодня змея запускать пошли. И охота ему забавляться! – судили и рядили взрослые.

А на гаванском поле ребяташки сгорали от нетерпеливого ожидания.

– Идет! Идет! – радостно крикнул кто-то.

Целая толпа со змеями в руках и без змеев с радостным гулом бросилась к показавшемуся из-за угла «советнику», а вслед за ним – к гигантскому змею, который торжественно несли Степа и Гришка.

– Вот так змей! Это, можно сказать, настоящий змей.

– Как ты, дяденька, долго! Уж мы тут не дождемся...!

– Хвостике-то! Ну, знатный хвост!

– Смотрите, ребята, по змею-то разное зверье намалева-но...

– Хвост-то поболее сажени будет...

– Эва хватил! И все три считай...

Восторги, восклицания, одобрения так и слышались со всех сторон.

Да что дети – тут и многие старики, взрослые мастеровые и фабричные с нескрываемым удовольствием и с простодушным восторгом смотрели на эту затею, с детства близкую их сердцу.

Между тем змей, окруженный плотной глазающей толпой, был принесен на середину поля.

– Знаете, ребята, сначала запустим ваши – мелкие... По-

смотрим, как они сегодня будут держаться в воздухе! – счирил Семен Васильевич, чтобы порадовать ребят.

Мальчуганы разбежались по полю со своими самодельными змеями, стоимыми стольких забот и слез: не легко было достать ниток, еле добыли бумаги.

По огромному полю, в разных направлениях взвились и завертелись, где низко, где высоко, белые змеи с мочальными хвостами...

Ясное голубое небо; зеленое поле; оживленные группы бегавших детей, одушевление и громкий раскатистый смех, – когда один змей вырвался из рук мальчика и, подхваченный ветром, понесся по направлению к домам, – все это изображало такую жизненную, полную движения и прелести картину, которой нельзя было не залюбоваться.

И Семен Васильевич любовался затаив дыхание, он радовался, что эти босоногие ребяташки, из которых многие целыми неделями корпели в душных мастерских, на заводах и фабриках, согнув свои спины над тяжелой работой, дома ютились в сырых темных подвалах, а теперь, в теплый воскресный день, пользуются здоровым, хорошим развлечением и так счастливы, веселы.

Смотря на оживленные лица детей прекрасными, глубокими, черными глазами, старик сам молодец душой, блаженно улыбался и был счастлив не менее их.

Сбросив свою неизменную шинель на траву, Семен Васильевич громко хлопнул в ладоши.

Дети примчались к нему со всех сторон.

– Ну, теперь мой громадина полетит. Я сам буду запускать... А кто же будет держать?

– Я, дяденька... Нет, – я... Лучше – я. Позволь мне, дяденька, миленький!.. – просили мальчики.

– Нет, ребяташки, не удержите. Надо кого-нибудь побольше...

– Позвольте мне, Семен Васильевич!.. – Из толпы выдвинулся молодой мастеровой.

– Вот и отлично! Держи, голубчик Игнатий. Небось, знаешь нашу затею?!

– Как же, Семен Васильевич! Ведь мы с вами не впервые... – и молодой парень улыбнулся по весь рот, обнажив белые зубы.

– В твоих богатырских руках, Игнаша, удержится наш Змей Горыныч...

– Верно, дяденька, что Змей Горыныч... Ишь какой! – со смехом подхватили дети.

– Отходи, Игнатий... Да полегоньку веревку отматывай, а потом, как разбежишься, так и пускай веревку скорее, – заботливо учил Семен Васильевич, держа прямо перед собой зеленого змея.

Игнатий побежал, отпуская веревку. Змей полетел...

– Летит! Вьется! Подымается!

– Хвост, ребята, у него трещит...

– Глупый, не хвост, а трещотка...

– Ишь, вьется-то как! Небось, голубчик, домой хочется...

– Ай, упадет! Ай, упадет!

– Опять взвился...

– Ух, как высоко! Вот так забрался... Вот так поднялся...

Чуть виднеется.

– Прощай, Змей Горыныч! Кланяйся там.

– Покричим ему громче.

– Прощай... Назад ворочайся... Эй, змеюшка! – кричали ребята, стоя с разинутыми ртами.

Вдруг несколько шапок с криками «ура! ура!» полетело в воздух. Кто-то перекувырнулся от восторга, другие бегали, хохотали, хлопали в ладоши.

Долго продолжалось шумное веселье на гаванском поле. Все ребяташки по очереди носились со змеем-гигантом. Много было веселья и говору... Семену Васильевичу пора было домой. Жаль было расставаться... Змей все время держался где-то далеко-далеко, чуть ли не в самых облаках...

Потянули его к земле... Как красиво он спускался: то крутился, то держался прямо – и вдруг с жужжанием и треском грохнулся на землю.

Мальчики бережно понесли его домой, окружив «советника»... Толкам не было конца.

– Я думал, дяденька, что он у меня из рук вырвется... Дюже сильный!

– А крутился-то как! Словно ястреб, право!

– Скажи, дяденька, как ты трещотку-то приделал?

Разговоров хватило не только на этот день, а долго-долго не могли забыть ребяташки «великое змеепускание».

Сам же зеленый Змей Горыныч до нового полета очень удобно пристроился в кабинете «советника» за диваном.

Поездка на лодке

Прошло всего одно воскресенье, в которое «босоногая команда» простояла у открытого окна... Следующее за тем опять сулило новую радость неизбалованной детворе, опять взволновало всех мелких жителей 15-ой линии.

«Советник» надумал ехать удить рыбу на взморье со своими «босоногими мальчишками».

– Дяденька, да на чем же мы поедem? – спрашивали дети.

– Я достал хорошую лодку у знакомого, но беда в том, что не могу всех вас забрать: лодка мала, усядется не более десяти человек, а вас всех наберется до двадцати...

– Уж больно мне хочется на взморье-то! – взмолился курносый Гришка.

– Ничего не поделаешь, дружище... Я думаю, каждому из вас хочется.

– Вестимо, хочется! – хором крикнули мальчуганы.

– Мы жребий кинем... Кому выйдет счастье... А не выйдет, надо молча покориться. Остальных в другой раз возьму.

Кинули жребий. Раскрыв свой билет, Гришка загоготал и тут же у окна перекувырнулся от радости три раза. Там стояло всего одно слово «ехать».

Попал и косоглазый Андрей, который в этот день первый раз после неприятности с Марфушей, понуря голову, подошел к окну и стоял не шелохнувшись в стороне ото всех. Чер-

ные пронизательные глаза «советника» все видели и знали, что творится в душе одинокого, озлобленного мальчугана.

– Здравствуй, Андрюша; вот и хорошо, что пришел..– Бери-ка тоже билет, – ласково сказал Семен Васильевич.

Шибко застучало сердце мальчугана, когда он протянул руку к шапке. Он видел только колотушки, слышал попреки и бранные слова... Он не знал, что можно забывать дурное, любить, прощать и снова быть ласковым... Там, где он жил, за зло платили только злом. А тут вдруг вот что...

Руки его дрожали, когда он вынимал билет.

– «Ехать», – прочитали заглянувшие мальчуганы. Андрей покраснел до слез и не мог выговорить ни слова.

– Вот и отлично! Ты приходи, Андрюша, пораньше, часов в пять утра и выйдем. Я сам уже зайду, отпрошу тебя у дяди... Для меня отпустит...

Они отплыли от берега ровно в 5 часов утра. Семен Васильевич сидел на руле, четверо мальчиков, имея по одному веслу, старательно гребли; остальные приютились тут же в лодке...

Утро было чудесное, тихое и теплое. Нева отражала ярко-синее небо и блестела от солнечного восхода... На берегу просыпалась жизнь: подымался дымок из труб, начиналась езда, ходили люди.

Лодка тихо плыла против течения...

– Как хорошо! – сказал Семен Васильевич.

– Что хорошо, дяденька? – спросил удивленный Гришка.

– Посмотри кругом... Небо такое чистое, голубое. Воздух теплый, свежий. Нева красивая и широкая.

Сколько на ней судов, барок, пароходов, лодок. Сколько фабрик, домов по берегу...

Мальчики озирались по сторонам.

Семен Васильевич взглянул на них и заметил, что они не понимают того, что чувствует он. «Бедность и тяжелая жизнь не могли нас научить любить природу и прекрасное», – казалось говорили их глаза.

– Андрюша, смотри, какой там на берегу тенистый сад, сколько там птиц чирикает по деревьям... Какая узорчатая решетка! Неправда ли, красиво?

– А мне и ни к чему, дяденька! – простодушно ответил Андрей.

Солнце уже порядком припекало, когда вся веселая компания пристала к берегу около Лахты. Перед глазами раскинулась песчаная отмель, далее – зеленый луг, а еще дальше – лесок... Лодку привязали, вытащили провизию, расположились на берегу и развели костер... С каким удовольствием закусили ребята вареными яйцами, огурцами и хлебом... Какими вкусным показался этот обед под открытым небом. Затем некоторые стали удить рыбу, другие бегали по берегу, собирали камушки и раковины, рвали цветы. Привольно и весело было на чистом воздухе, вдали от города.

– Ну что, где лучше – тут или в городе?

– Тут больно хорошо, дяденька, – хором ответили дети.

Рыжий Андрей подошел к «советнику» и дотронулся до руки... Семен Васильевич обернулся к нему. Некрасивое лицо забитого мальчика красили счастливая улыбка и какое-то особенное выражение... Старик понял эту молчаливую ласку, понял, что мальчик не умеет выразить того, что у него на душе... Он обнял его и прижал к себе.

– Что, друг Андрюша? Терпи, голубчик, и если тебя обидят, – прощай. Только сам будь добрее, легче будет...

– Дяденька, я больше не буду... – тихо-тихо прошептал Андрей, ему было отратно и радостно в эту минуту.

– Вот я вам про то и говорю, ребятки... Как станете большими... Вот в такие-то благодатные деньки в праздники уходите подальше от города погулять. Ишь, какая благодать! Зелень, вода, птички, тишина... И на душе становится легко, и сам становишься добрее! Любуйтесь, дети, и подумайте, как чудесен Божий мир! Много в нем хорошего!

Целый день «советник» со своей «командой» провели на берегу. Варили уху. Хороша была ушица из свежей рыбки! Пекли в золе привезенный с собою картофель. Что может быть вкуснее?! Ходили в ближайший лесок, набрали там чуточку земляники, набрали все по букету цветов – «для тетеньки» и для «барышни Агнии Семеновны». Для своих домашних они связали по хорошему березовому венику.

– Либо париться... либо полы подметать... – объяснил Гришка.

Дело было к вечеру. Стали снаряжаться домой. Тут Степа

очень порадовал старика.

– Смотри-ка, дяденька! – воскликнул он. – Смотри там... Будто и на самом деле... Как там любопытно... – и мальчик устремил вдаль свои задумчивые глаза, указывая рукой на взморье, где солнце скрывалось на горизонте.

Там было дивно хорошо!

Широко разлилась зеркальная поверхность едва волнующегося моря... Вдали какие-то суда распустили свои паруса и медленно двигались, маленькие лодочки сновали беспрестанно... А яркий, огненный шар солнца, бросая во все стороны прощальные лучи, закатывался, как бы утопая за этой водной ширью.

– Ты хотел сказать, Степушка, что там очень красиво? Правда твоя! На самом деле, такой картины ни один художник нарисовать не может! Господи, как хорошо! Глаз оторвать не хочется от такой красоты! – говорил умиленный Семен Васильевич.

И как всегда день, проведенный вместе со стариком, не пропал даром: в одном загрубелом сердце вспыхнула искорка.

Степа, живя в своем темном подвале, и представить себе не мог, что можно находить радость и удовольствие при виде моря, захода солнца, кораблей с распушенными парусами или зеленого леса... Теперь он сам не понимал, что делается с ним: ему хотелось все это охватить и прижать к себе; он чувствовал в себе огромную любовь и к дяденьке, и к това-

рищам «босоногой команды», и к лесу, и к морю, и к заходящему солнцу.

Домой Семен Васильевич с мальчиками вернулись уже поздно – усталые, но счастливые, с целым ворохом разговоров и воспоминаний, с букетами цветов и с зелеными венками.

Так проходило лето. Часто растворялось гостеприимное окно. И чуть ли не каждое воскресенье несло новую затею «советника» и несказанно радовало «босоногую команду».

Зимой

Стояла суровая, продолжительная зима. На улице то завывала целыми днями метель и резкий ветер крутил снежные хлопья, то трещал лютый мороз, который не щадил ни людей, ни животных.

В такие холодные дни еще тоскливее, еще непригляднее там, где гнездятся нищета да горе.

В знакомом уже нам подвале было холодно и мрачно.

Степа пришел из школы домой, закусил хлебом и задумался. Он весь дрожал от холода и прижимал к себе сестренку, у которой посинели руки и покраснел маленький нос...

– Как у нас холодно, Степа... Я очень озябла... Весь день дрожу, – жалобно проговорила девочка.

– Подожди, Аня, вот придет мама с работы, тогда лучше будет. Она обогреет нас, – говорил брат, сажая к себе на колени сестренку, укутывая ее в короткое пальтишко и дуя ей на руки.

В это время ситцевая занавеска, отделявшая угол, где сидели дети, зашевелилась, раздвинулась и из-за нее показалась голова Гриши в барашковой шапке.

– Холодно... Бр-р-р! Озяб до смерти! – дрожал он, потирая руки и ежась. – Степа, пойдем к «советнику».

Анюта улыбнулась. Лица мальчиков просветлели.

– И то правда... Нынче суббота, барышня Агния не очень

рассердится. Она не любит, когда мы по будням ходим. Пойдем, возьмем и Анюту. Ишь, как она озябла. Там отогреется. А что твой отец, Гриша?

– Отец задремал. Я его всяким тряпьем, что только есть у нас, укутал. Соседка за ним присмотрит... обещала.

Дети живо собрались. К обычному костюму Гриши еще прибавились на ногах чьи-то огромные, стоптанные валенки. На улице было темно и очень морозно. Дети ежась и дрожа от холода, то оттирая себе поминутно щеки и нос, то хлопая в ладоши, живо добежали до серенького домика.

– Постучись, Степа, – сказал Гриша.

– Нет, уж лучше ты. Я боюсь барышни.

– Я ее тоже боюсь...

Дети боязливо переминались с ноги на ногу около окна, где из-за ставня пробивалась узенькая, приветливая полоска света.

Наконец мороз дал себя знать и мальчуганы, преодолев совестливость, оба разом тихо стукнули по ставню.

В доме послышались движение, говор, скрипнула дверь и захрустел снег под окнами.

Семен Васильевич, в халате, в накинутой на плечи шинели, сам открыл калитку.

– Мое вам низжайшее почтение!

Кошку в лапти обувать
Думал я сейчас,

Да за вами посылать,
А вы тут как раз,

– шутливо приветствовал старик ребяташек.

– Здравствуй, дяденька! Мы к тебе пришли.

– Вижу, друзья мои, вижу... Очень рад. Пожалуйте, дорогие гости. Что, небось озябли?

– У нас в квартире-то беда как холодно. Даже по полу-то замерзло, – сказал Гриша.

– Ну, идите скорее... Отогревайтесь!..

Они очутились в теплом, светлом «кабинете». Там уже сидели двое мальчуганов, таких же горемык, как эти.

Как хорошо в комнатке Семена Васильевича! Зимние вечера проходили тут, как чудный сон!

В кабинете «советника» был неистощимый запас интересного, что всегда притягивало к себе детей. Прежде всего, конечно, сам их ласковый шутник дяденька, их добрый «советник»...

Много лет пройдет, вырастут все друзья «босоногой команды»; кто увидит радость, кто горе, разойдутся они в разные стороны, но никогда не забудут того, кто так горячо любил их, будут они вспоминать зимние вечера в кабинете, разговоры, забавы. Все это будет им светить отрадным воспоминанием из их горького, невеселого детства...

Чего-чего только не придумывал Семен Васильевич в длинные зимние вечера?! Здесь то клеили фонари, то вдруг

вся компания принимались за рисование... Чаще всего рассматривали «стробоскоп» – незамысловатую игрушку, которую Семен Васильевич сам сделал. Он всегда вызывал веселый смех и шутливые замечания детей.

– Ишь, как мальчишка-то ловко наладился, лошадь за хвост, да через нее, через нее...

– Чудо, право! Смотри-ка ты на барышню... как она отплясывает ловко!.. Смотри, как перевертывается...

Стробоскоп вертелся и обманывал зрение детей.

Иногда по воскресеньям, к ужасу Агнии, начиналась всеобщая починка, как говаривал ее отец. В кабинет носили ломаную мебель, битую посуду, вообще, вещи, требовавшие ремонта.

– Одно только баловство придумывает папаша... Опять грязи не убраться, – говорила Агния.

– Ничего, Агнесочка... Сама потом благодарна будешь! – возражал старик.

При содействии «босоногой команды» на ширмы наклеивались огромные заплаты, трехногий стул являлся из кабинета на четырех ножках, битым тарелкам приклеивались края... Случалось даже, что из кабинета, будто из настоящей мастерской, выносили вновь сделанные вещи, например, скамеечку под ноги Татьяне Петровне, обитую красным ситцем, клетки для птиц, табуретки и прочее...

В маленьком сером домике свято чтили все праздники. Перед праздниками там происходили усиленная уборка и

мытье, стлали чистые половики, зажигали лампы; в праздники все одевались в парадное платье, ходили в церковь, неизменно пекли пироги.

В рождественский сочельник до звезды ничего не ели, а ужинали, настлав скатерть на сено. Накануне Крещения на дверях везде ставили мелом кресты, 9 марта пекли жаворонки и запекали на счастье серебряный гривенник. В Благовещенье выпускали из клеток птиц на свободу. В Троицу квартиру убирали березками и первыми весенними цветами.

Как любят это дети, как рвались ребята к «советнику», чтобы видеть все своими глазами и, если можно, участвовать. Эти простые, милые обряды старины так красят жизнь, так радуют в детстве!..

Перед Рождеством Семен Васильевич собственноручно клеил для своей «босоногой команды» великолепную золотую звезду. Мальчуганы собирались вместе и ходили славить Христа. Сколько потом было рассказов.

– В большой красный дом не пустили... Кухарка дверью хлопнула, закричала: «Еще обворуете»... Рядом в квартире тоже не пустили.

– В доме Иванова купец дал двугривенный и кусок булки. Давали по гривеннику и в других домах.

Но самую большую радость маленькие христославы вынесли из углового белого домика...

Дети – везде дети! Радости их везде одинаковы...

– Знаешь, дяденька, там мы видели огромную елку... Ба-

рышни хорошенькие-прехорошенькие, – торопился рассказать Гриша.

– Барышни такие беленькие... хоро-о-о-шенькие... Поймай, Гриша, я расскажу, – перебил Степа.

– Говори по порядку, толком... Рассказывай, Степа, – заметил Семен Васильевич.

– Пришли это мы в кухню... А нас позвали к господским детям в комнату... Две барышни такие бе-е-е-еленькие, хорошенькие... Прославили мы Христа, нам дали по чашке чаю.

– Правда, дяденька, с булками и с пряниками, вставил Гриша. – Да. Такие круглые пряники. Потом барыня что-то пошептала барышням. Те и позвали нас в залу. Ну и елку мы увидели!.. Вот так елка!

– Цепи... Золотые нитки, фонарики... Сколько гостинцев навешано, и не сосчитаешь, – добавил Андрей.

– Да, дяденька... Даже сказать невозможно, сколько на елке всего висело... Вдруг старшенькая барышня взяла ножницы и срезала гостинцев с елки и всем нам дала поровну... Правда, дяденька... Мы и тебе принесли, – радостно рассказывал Степа.

В Новый год Семен Васильевич устраивал для своих мальчуганов елку у себя. Еще задолго до Рождества шли приготовления к этой елке. Елка была очень скромная, бедненькая, но тем не менее ее дожидались особенно нетерпеливо. Тут уж ни воркотня Агнии, ни ее недовольное лицо не по-

могали. Старик отвоевывал себе залу.

– Что это, мамаша, папенька и до залы добрался. На него никакие убеждения не действуют, – жаловалась Агния матери.

– Правда твоя, «принцесса», теперь такое время, что на меня ничто не подействует, – отзывался из кабинета отец. – Рождество – праздник детей, и каждый должен их чем-нибудь порадовать. В другое время я не трогаю твоей залы, а теперь она мне необходима...

В назначенный для елки день в «кабинете» собиралось до пятнадцати человек самых бедных детей...

Семен Васильевич зажигал елку, стрелял из игрушечного пистолета, кричал из какой-то свистульки петухом, потом садился за дребезжащее фортепиано и изо всей силы играл всегда один и тот же марш. Он только и знал эту пьесу.

Дети выходили в залу, но тут под взглядами Агнии и в присутствии Татьяны Петровны они чувствовали себя чужими и стесненными, были тихи и застенчивы. Елка догорала, гостинцы делились между детьми...

За стеной был милый «кабинет». Только перешагнуть порог – и свободнее дышалось, веселее лились разговоры, подымались веселый смех и шутки... Дети с радостью уходили в любимую комнатку.

Туда Татьяна Петровна приносила тарелки с колбасой и хлебом, кружки с чаем, – там происходило угощение.

В этом же самом кабинете, помимо забав и веселья, не раз

решались и серьезные дела босоногих ребятишек.

В долгую жизнь «советника» множество было таких случаев, где он горячо вступался за детей.

Идет он по улице, а сам на встречных ребятишек посматривает: то драку уличную разнимет, то на няньку, которая худо держит ребенка, прикрикнет, то по голове малыша грязного погладит и леденец ему сунет...

Вся «босоногая команда» долго вспоминала, как «советник» отобрал рыжего Андрея от дяди-лавочника. Случилось это так.

Все дети стали замечать, что Андрей худеет, бледнее, жалуется на головную боль, приходит иногда с опухшими от слез глазами... На все расспросы Семена Васильевича: «Что с тобой, Андрюша? Здоров ли ты?» – «Ничего... Здоров», – было ответом.

Только раз пришел он хмурый и молчаливый... Дети стали возиться в кабинете, задели Андрея... Он вскрикнул.

– Что с тобой, говори сейчас? – серьезно спросил Семен Васильевич.

Вдруг Андрей повалился на диван и зарыдал, да так страшно, так громко с горькими причитаниями:

– Моченьки моей нет... Ой, убьют... убьют они меня... Боюсь я... боюсь!

Семен Васильевич принес воды, сел на диван, обтирал сырым полотенцем лицо несчастного мальчугана, поил его и уговаривал; он расстегнул ворот его рубашки и отшатнулся:

все худенькое тело несчастного мальчугана было в синяках и царапинах.

Старик понял все. Дети молча, с ужасом смотрели на товарища, в горьких рыданиях которого слышались жалобы на сиротскую долю, на людские обиды и на нестерпимую, жгучую боль избитого тела.

– Тогда-то дяденька и отобрал Андрюшку, – рассказывали потом ребята. – Пожаловался на лавочника судьям. А судьи лавочника наказали: впредь не дерись так!

Андрей долго жил у Семена Васильевича, пока тот не устроил его в хорошую картонажную мастерскую.

Да, немало было таких случаев, где «советник» являлся защитником своих мальчишек, помощником «босоногой команды».

Окно закрыто

Что бы это значило? Уже второй день «советник» не открывает окна... Уже второй день синяя занавесочка задернута, в сереньком доме тихо и печально. Никто не видел, как «советник» прошел на службу, никто не уследил его возвращения.

Вся «босоногая команда» была в страшном волнении. Мимо закрытого окна то и дело шмыгали босоногие мальчуганы, заглядывали в окна, во двор, но ничего не могли узнать. Стучать в калитку дети не смели, они сообразили, что в доме «советника» случилось что-то недоброе. Только к вечеру второго дня Гриша объявил Степе, что он видел, как к дому «советника» подъехал «серьезный господин с долгим носом, в очках и с зонтиком!»

– В очках, – ну, доктор... Значит, болен дяденька, – тихо, прерывающимся голосом объяснил Степа.

– Очень похоже на доктора... И длинный нос, и очки, – решил Гриша.

Почему он имел такое представление о докторе, неизвестно.

– Окно закрыто. «Советник» болен, – пронеслось по 15-ой линии.

Надо было видеть «босоногую команду»! Надо было заглянуть в души ребят!..

Закрыто гостеприимное, милое окно. Болен тот, кто крадит и радуется их бедное, невеселое детство, тот, кто любит, учит и балует их, уличных, босоногих ребятишек...

Если это окно больше не откроется, то где для них найдется такое окно? Вряд ли еще найдется!

– Кому могут быть приятны разговоры и возня с грязными мальчишками? – говорила Агния.

– Эх, матушка, точно дети не все равны! – возражал ей, бывало, Семен Васильевич. – Как будто между чистенькими, нарядными детьми нет злых, жадных, капризных? А между бедными, посмотри-ка, есть какие славные: мой смелый, правдивый Гриша, ласковый, тихий Степа, добрая Марфуша... Грязных-то да босоногих и пожалеть некому. Так-то!

Дети думали и горевали о «советнике» и выражали это по-своему.

«Дяденька, голубчик, каково-то тебе?» – мелькало в голове Степы.

Гриша в первое же воскресенье в церкви, куда обычно ходил Семен Васильевич, перед образом Спаса положил три земных поклона и прошептал:

– Господи, спаси и сохрани раба Божия Симеона.

Андрей, Степа и Гриша каждую свободную минуту простаивали около дома, где жил «советник», желая узнать, что случилось с дяденькой.

Лето в том году стояло холодное и дождливое.

Как-то раз под вечер калитка дома скрипнула и отвори-

лась. Из нее выбежала Агния, очевидно, впопыхах, расстроенная: на голове ее был накинут большой ковровый платок... Первое, что ей бросилось в глаза в этот холодный сырой вечер, были три детские фигурки... Они жались к забору.

«Папашины мальчишки... – догадалась девушка – Что они тут делают? Зачем стоят у забора в такую погоду?»

– Папаша очень болен... Понимаете?... Наверяд ли поправится, – сказала Агния и голос ее оборвался.

Он звучал теперь глухо, без резких и крикливых нот.

Ответом ей было тихое рыдание у забора... Снова чье-то всхлипывание... Еще... Громче и громче... Босоногие мальчишки прижались друг к другу и заплакали навзрыд.

Гордая девушка сама не сознавала, как оказалась около ребят. Она порывисто погладила их по головам и тоже заплакала... Прорвалась холодная внешность, – Агния по-своему любила старика-отца, жалела его, понимала его чистую душу, но по природе была молчалива и холодна.

– Не плачьте... Полноте... Бог даст, папеньке лучше станет... Не плачьте, – твердила она, отирая обильные слезы. – Что же это я?! – спохватилась вдруг девушка, и ей стало совестно за свою слабость. – Я в аптеку иду... Тороплюсь! – проговорила она и пошла по дороге.

– Барышня, не ходите... Дайте я скорехонько сбегаю, – предложил, догнав ее, Андрей.

– А не то я мигом слетаю, – заявил тут же Гриша.

– Отлично... Сбегайте... Да подождите, пока лекарство

приготовят. А я скорее к папаше пойду...

С тех пор, как только Татьяна Петровна или Агния отворяли калитку, около них как из-под земли вырастал какой-нибудь из мальчуганов, готовый помочь и услужить. Дети с радостью делали все, что им приказывали, вели себя также вежливо и тихо, что даже Агния не находила возможности, чтобы упрекнуть или придрататься к кому-нибудь из них.

Семен Васильевич был болен очень опасно. Домашние его переходили от тревоги к надежде, от надежды снова к страху.

«Босоногая команда» бродила осиротелая, как бы потерянная. Никто не интересовался уличными грязными ребятами.

– Папаша совсем плох... – со страхом проговорила раз вечером Агния Андрею и Степе, заглянув за калитку

Опять потянулись тяжелые дни мучительного ожидания...

* * *

Тот памятный день поздней осени выдался на славу – ясный и теплый... Словно вернулось красное лето! Весело, громко чирикали еще не улетевшие птицы. Пожелтевшие деревья приветливо покачивали свои ми вершинками. Точно все обрадовались хорошему деньку.

А по 15-ой линии пронесся радостный возглас – «Совет-

ник» открыл окно!

Услышав это, все друзья «босоногой команды», не помня себя от радости, бежали по направлению к серому домику с зелеными ставнями.

Да, «советник» открыл окно и сидел в кресле, посматривая на улицу. Он очень похудел, был бледен и слаб, в волосах еще прибавилось седины, но в черных приветливых глазах светилась та же молодая душа, та же чистая любовь.

К окну подбежали Гриша, Степа, Андрей, Марфуша и другие...

– Друзья «босоногой ком...» – хотел было пошутить Семен Васильевич, но голос его задрожал и на глазах навернулись слезы.

– Милые мои!.. Здравствуйте! Как я рад вас видеть! Опять вы около меня...

Дети молчали и долго смотрели на «советника» затаив дыхание.

– Дяденька, опять... Опять ты здоров... – прошептал Гриша и не мог продолжать от радости.

– Дяденька, какой ты стал худой, – с грустью протянула Марфуша.

– Уж мы-то как боялись, – мрачно заявил Андрей.

А Степа недолго думая влез в окно, прижался к Семену Васильевичу и заплакал от радости. Снова открылось окно «советника». Радуйся, «босоногая команда»!